

А. В. Березовская
МГИМО МИД России

ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПТЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕРМИНОСИСТЕМАХ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье рассматриваются проблемы функционирования немецкого юридического языка в условиях глобализации и пути их решения. Для юриста язык — это основной инструмент его профессиональной деятельности. Он необходим для точного понимания правовых норм. Концепция единой Европы в контексте единого глобального пространства изменила форматы коммуникации в разных сферах человеческой деятельности, что, безусловно, повлияло и продолжает оказывать негативное влияние на профессиональные языки. Так, немецкий терминологический корпус, формировавшийся веками, подвергается все более агрессивному внешнему воздействию. Можно говорить о создаваемой новой терминологической системе — общеевропейском понятийном аппарате, который будет способствовать формированию единого европейского правового пространства. Процессы сближения национальных законодательств, направленные на унификацию правовых систем государств-членов, должны при этом учитывать национальную идентичность правовой терминологии. Национальное право здесь рассматривается как исторически сложившееся выражение культурной идентичности. Особое внимание в статье уделяется сложностям, связанным с выбором эквивалента или заполнением лексической лакуны, взаимосвязи правовых концептов и способов их реализации, а также проблеме заимствований в языке права. Материалом для исследования послужили правовые акты Германии и ЕС.

Ключевые слова: терминологический корпус; европейская правовая терминология; концепт; национальная идентичность; эквивалент

1. Введение

Право Европейского союза представляет собой сложное образование, характерной чертой которого является наличие уникальной понятийной системы. Ее основу образует терминологический корпус национальных законодательств, однако мы наблюдаем и значительное, постоянно растущее число специфических терминологических образований, характерных для международного права. Для успешного функционирования Европейского законодательства необходима унификация правовых систем государств-членов, при этом важно учитывать

национальную идентичность правовой терминологии. В настоящее время немецкий язык сохраняет одну из лидирующих позиций в ЕС. Согласно данным, опубликованным МИД Германии, немецкий язык является самым распространенным родным языком в ЕС, в качестве иностранного языка он делит с французским второе место (<https://www.auswaertiges-amt.de>). Во многих исследованиях, посвященных роли и месту немецкого языка на европейском уровне, также утверждается, что немецкий язык в Европейском Союзе является иностранным языком номер два, а по численности носителей языка занимает первое место (Born 2000: 2175-2185). Однако на фоне евроинтеграционных процессов и укрепления позиций английского языка можно наблюдать агрессивное воздействие и трудности с поддержанием статуса немецкого языка. Так, в немецкоязычных версиях европейских нормативных актов все чаще встречаются неоправданные заимствования из английского языка, а формировавшиеся веками понятия «размываются» путем неточного использования терминов, что не характерно для текстов немецкого законодательства.

Право представляет собой единственную систему норм, обязательных для всех членов общества. В связи с этим терминологии уделяется значительное внимание при изучении языка права, поскольку она способствует точному и ясному формулированию правовых предписаний, достижению максимальной лаконичности юридического текста, а, следовательно, оптимизирует процесс реализации правовых норм. Многие исследователи специальных дискурсов подчеркивают, что для стабильности терминологии необходимо точное соответствие термина его определению, то есть его однозначность.

«Dadurch, dass die Begriffe festgelegt und von den anderen Begriffen abgegrenzt werden, werden die Begriffsbeziehungen verdeutlicht, was für die Erarbeitung der Begriffssysteme wichtig ist» (Мюллер 2016: 40).

Стоит отметить, что эта характерная черта термина встречается все реже, в текстах законодательства можно обнаружить большое количество синонимов. Кроме того, особенностью юридического термина является тесная взаимосвязь в нем языковых и правовых характеристик. Правовая терминология европейских правовых текстов оказывает существенное влия-

ние на терминологию национального законодательства, вследствие чего нарушается национальная правовая идентичность.

1.1. Правовая идентичность

Право выражает исторически сложившуюся культурную самобытность народов. Традиционно под правом понимают «систему норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся общеобязательным, нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения» (Алексеев 1994: 123). Понятие права неотделимо от понятия правосознания, то есть формы общественного сознания в отношении юридической действительности, уникально реализующегося в разных государствах. Национальная правовая идентичность является камнем преткновения в процессе унификации правовых норм, поскольку представления и оценки людей относительно совпадения юридических норм с общественными требованиями обусловлены традициями и культурными особенностями страны. Чем сильнее стремление сблизить разные правовые системы в рамках Европейского союза, уравновесить правовые нормы разных стран, тем выше национальное правовое самосознание, тем острее желание сохранить свою идентичность.

Для целей нашего исследования интерес представляет когнитивный компонент правовой идентичности — сформированные представления о праве. Это знания субъекта о своих правах, обязанностях, гражданском долге, правопорядке, ценностях и законе. В памяти субъекта хранится информация, полученная им на основе личного опыта при освоении правовой действительности, то есть обусловленная непосредственным участием отдельного лица в правовой сфере жизнедеятельности общества, кроме того отражающая национальную специфику правовой сферы. Данная информация кодируется в понятиях, которые, в свою очередь, имеют фреймовую структуру. Под фреймом понимается «модель абстрактного образа, минимально возможное описание сущности какого-либо объекта, явления, события, ситуации, процесса» (Минский 1979: 5). Фрейм состоит из имени и отдельных единиц, называемых слотами. Базовые фреймы юридического дискурса, такие как *закон*, *законность*, *порядок*, *справедливость*, *наказание*, *решение*, *по-*

разному представлены в разных языках и имеют отличающийся набор слотов. Правовая идентичность представителей разных стран базируется на разных принципах реализации правового сознания, что затрудняет процесс гармонизации правовых норм, направленный, прежде всего, на нивелирование противоречий правового сознания и устранении правовых коллизий. Процесс унификации правовых норм, а, значит, приведения к единообразию терминологического корпуса европейского законодательства осложняется наличием двух разнонаправленных векторов: процессом интернационализации, с одной стороны, и попытками сохранения и использования исконных терминов национального права, или терминов, образованных из корней национального языка, — с другой.

2. Постановка проблемы и характеристика материала

В юридическом дискурсе часто возникает проблема выбора подходящего эквивалента, а также правильного толкования используемой терминологии. Современные подходы к изучению специальных дискурсов позволили по-новому взглянуть на структуру термина и особенности его использования в языке права. Однозначность термина является аксиомой, однако сегодня все больше внимания уделяется изучению соотношения термина и стоящего за ним понятия, исследованию концептов специальных дискурсов и способов их репрезентации в языке права. Так, в законотворческом процессе Евросоюза часто возникает проблема выбора подходящего эквивалента при создании правовых текстов на немецком языке. Для поиска ее эффективного решения необходимо рассмотреть процесс заимствований в синхронном и диахронном аспектах, а также установить соотношенность отдельных концептов и терминов в национальных законодательствах стран-членов ЕС. С помощью лингвокогнитивного подхода можно осуществить комплексный анализ юридического дискурса права ЕС с учетом внешних и внутренних факторов, определить и исследовать его национально-специфические составляющие. В исследованиях терминологического корпуса права ЕС целесообразно учитывать влияние как лингвистических, так и социокультурных факторов. Применение когнитивно-фреймового подхода к изучению юридического дискурса позволит установить закономерности изменений, происходящих в структуре немецких правовых концептов, вы-

явить причины возникающих трудностей при создании правовых текстов на немецком языке, найти пути их решения.

Материалом для исследования послужили следующие источники:

- два главных договора Европейского союза: Договор о функционировании Европейского союза и Договор о Европейском союзе, Регламенты ЕС Рим I и Рим II и текущие директивы ЕС в немецкоязычной и английской версиях; официальные тексты представлены на сайте <https://eur-lex.europa.eu>;

- Гражданское уложение Германии (далее — ГГУ) — крупнейший и основополагающий закон Германии, регулирующий гражданские правоотношения;

- Основной закон ФРГ — конституция Германии, в которой закреплены основы правовой и политической системы страны.

Тексты немецких нормативных актов размещены на сайтах <http://www.gesetze-im-internet.de> и <https://www.bundestag.de/grundgesetz>. Использование электронных версий позволяет отслеживать последние изменения в текстах законодательства, а также существенно облегчает процесс исследования языковых единиц.

Исторический пласт исследования составили избирательные капитуляции немецких императоров XVII-XIX вв. Тексты Капитуляций собраны в книге Вольфганга Бургдорфа «Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519-1792» (Burgdorf 2015).

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Исторический пласт

Необходимость унифицированного, единого для всех правового регулирования не является чем-то новым для Европы. На ее территории несколько веков существовало такое государственное образование, как Священная Римская империя германской нации. Священная Римская империя не имела единого нормативного акта в виде конституции. Начиная с позднего Средневековья, правовые обычаи стали дополняться законодательными актами императоров и рейхстага. Среди базовых нормативных актов, оформивших конституционно-правовое устройство Священной Римской империи, выделяются избирательные капитуляции императоров, в которых гарантирова-

лись права и свободы различных имперских сословий, составлявшиеся на немецком языке. Этот документ, незначительно варьирувавшийся в содержательной части, позволяет проследить развитие немецкого юридического языка, а также сделать вывод о его лидирующей позиции в Европе на протяжении длительного времени. По словам Хайнца Духхардта, периодичность избирательных решений, содержащихся в текстах Капитуляций, позволяет отслеживать конституционные и политические события в течение длительных периодов времени и отражать динамику конституционной жизни (Duchhardt 2015: 9-10). О важности этого документа пишет и Вольфганг Бургдорф. Он приводит слова известного правоведа XVIII в. Кристиана Августа Бека: «Они (Избирательные капитуляции — прим. авт.) заслуживают особого внимания, потому что в них заключалось все государственное право» (цит. по: [Duchhardt 2015: 10]). Не менее известный историк права Франц-Доминик Геберлин считает, что благодаря этим документам можно «лучше всего узнать о настроениях, принципах и государственном интересе отдельных сословий» (цит. по: [Duchhardt 2015: 11]). Этот важный документ был обращен к представителям разных сословий, проживавших на значительной части территории современной Европы в условиях отсутствия единого нормированного литературного языка.

В качестве наиболее характерных языковых особенностей данного документа можно отметить значительное число заимствований из латинского и французского языков. Традиционно подобные слова выделялись в тексте путем использования специальных шрифтов. Кроме того, в капитуляциях встречается большое количество парных выражений, типичных для немецких правовых текстов, представляющих особый интерес в рамках нашего исследования. В состав таких выражений часто входили и заимствования, при этом заимствованный компонент, как правило, маркировался.

Некоторые из парных выражений или дублетных форм связывают с рецепцией римского права (Grimm 1899: 7). Это такие выражения как *ohne Wissen und Willen, in Haus und Hof, Macht und Gewalt, zu Wasser und zu Land*. Ни один из компонентов не выделялся специально на письме или при печати, поскольку формула целиком переводилась с латинского языка. В совре-

менных правовых текстах подобные дублеты уже не актуальны.

Другую группу составляют такие сочетания как *auf der Gassen und Straßen, aufziehen und erscheinen, Hilfen und Anlagen, bekümmert und betrübt werden* и др. Причины объединения в пары этой группы слов до конца не исследованы учеными. Некоторые считают, что это связано с формой презентации юридических текстов, а именно — их зачитыванием вслух в целях доведения их содержания до сведения заинтересованных лиц, то есть представителей разных сословий. Наличие парных словосочетаний могло облегчить процесс воспроизведения и процесс восприятия текстов законов (Fuhr 1962; Naff 1949), способствовало их лучшему запоминанию. Изменение законотворческого процесса и формата функционирования правовых текстов привело к прекращению использования парных сочетаний данной группы.

В текстах немецкого права можно выделить целую группу парных выражений, в состав которых входили слова, близкие по значению: *schützen und schirmen, Recht und Billigkeit, Recht und Gerechtigkeit*; либо слова, обозначающие действия, направленные на один и тот же объект: *die ihm geschwächt, genommen, entzogen worden, suspendieren und ausschließen, halten und leisten (den Schutz)*; или связанные с одним и тем же субъектом: *einwilligen und bestätigen, versetzen und verkaufen*. Объединение слов в пары происходило, скорее всего, с целью уточнения понятий, либо достижения наиболее полного их определения, либо перечисления возможных юридических действий. Примеры таких парных выражений можно найти в работах Феликса Либермана (Liebermann 1903) и Карла Рихтхофена (Richthofen 1840). Среди них *schädigen und schänden, unschuldig in Tat und im Planen, mit Wille und Absicht, Recht und Gewohnheit*. В текстах избирательных капитуляций также насчитывается большое количество подобных парных выражений, например, *Gebrauch und Gewohnheit, Ungnade oder Widerwille, bedenken und beratschlagen, Bürden und Schuldigkeiten, Empörung und Aufruhr, angreifen und bekriegen, rechtlich und gültig, Voreltern und Vorfahren, Untertanen und Zugewandte*. В процессе становления терминологии многие из этих обозначений, ранее синонимичных, обрели более точные границы и сферу употребления, и сегодня они часто входят в состав разных концептов, а их употребление в рамках одного и того же контекста не представляется уместным.

Слова, которые ранее объединялись в пары в законодательных текстах, дополняли друг друга, поясняли друг друга или обозначали одинаковые или схожие понятия, сегодня развили свои сферы употребления. Обозначения *rechtllich* (законный, правовой) и *gültig* (действительный), хоть и могут находиться в границах одного концепта, но не заменяют друг друга. Это можно увидеть в таких сочетаниях как *ein gültiger Ausweis*, *Fahrschein* или *einen Vertrag als gültig anerkennen* (<https://www.duden.de>), но *rechtlliche Fragen* или *einen rechtllichen Anspruch auf etwas haben* (<https://www.duden.de>).

Рассмотрим историю еще одной пары — *Bürden und Schuldigkeiten*. Согласно данным современных словарей *die Bürde* относится к высокому стилю и обозначает «тяжелую ношу», «бремя» (<https://www.duden.de>), одним из основных синонимов является *die Belastung*; *die Schuldigkeit* не указано в ряду синонимов к этому слову. В свою очередь, *die Schuldigkeit* имеет значение «чувства вины, долга», стилистически нейтрально и связано с понятием *Pflicht* (<https://www.duden.de>).

Термин *Bürde* встречается в правовых текстах ЕС. В Судебном решении от 15 октября 2019 г. по делу *Dumitru-Tudor Dorobantu Rechtssache C-128/18*, идет отсылка к статье 3 Европейской конвенции по правам человека, гарантирующей содержание под стражей заключенного таким образом, чтобы сохранялись права человека, и чтобы осуществляемые меры не оказывали на заключенного никакого *бремени или нагрузки* («*dass die Modalitäten der Durchführung der Maßnahme den Betroffenen keiner Bürde oder Last aussetzen*» (<https://eur-lex.europa.eu>). Данный термин передает значение «бремени, тяжелой ноши», что соответствует словарному определению. А в Решении комиссии С 54/2003 (бывшее N 194/2002) от 25 января 2006 г. о государственной помощи, которую Федеративная Республика Германия намеревается предоставить в рамках схемы возмещения расходов в связи с введением системы взимания платы за проезд тяжелых грузовых автомобилей на автомагистралях Германии, речь идет об особой финансовой нагрузке — *бремени* для пользователей немецких автобанов, в особенности из других государств-членов ЕС. Здесь мы видим пример метафоризации термина *Bürde*. («*Ein solcher Verwaltungsaufwand dürfte für gelegentliche Nutzer deutscher Autobah-*

nen, insbesondere aus anderen Mitgliedstaaten, eine besondere Bürde sein» (<https://eur-lex.europa.eu>). Подобный пример употребления мы встречаем в Решении суда первой инстанции от 7-го ноября 2002 г. по делу Vela SRL и Tesnagrind SL против комиссии Европейских сообществ. Речь идет об уклонении заявителя от *бремени* софинансирования проекта («*sich der Bürde der Kofinanzierung des Vorhabens ganz oder teilweise zu entziehen*») (<https://eur-lex.europa.eu>).

Понятие *Schuldigkeit* — в значении «чувство вины» не встречается в современных юридических документах, термин *Schuldigkeit* фигурирует в основном в названиях приговоров судов, но в значении виновности, которую устанавливают соответствующие инстанции. В процессе становления правовой терминологии появилось много однокоренных образований от *Schuld* — *schuldig sein*, *Schulden*, *Schuldner*, *Schuldenlast* и др. «Вина» и «виновность» два принципиально разных термина, хоть и образованных от одного корня. В юридическом дискурсе эти два понятия часто рассматриваются как синонимичные, однако это неверно. В то время как «вина» обозначает психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию и их последствиям, термин «виновность» обозначает юридическое состояние лица, в отношении которого установлена вина в совершении преступления. В связи с этим становится понятно, почему употребление термина *Schuldigkeit* ограничивается исключительно приговорами судов, а остальные однокоренные с ним термины встречаются в самых разных правовых документах.

Наибольший интерес представляет группа парных выражений, в состав которых входили заимствования: *Erbschaft oder Succession*, *confirmieren und bestätigen*, *Contract oder Bündnis*, *contravenieren und zuwiderhalndeihn*, *Genehmigung und Approbation*. Заимствованный компонент выделялся на письме и в печати специальным шрифтом. Роль немецкого компонента, на наш взгляд, заключалась, в уточнении, пояснении латинского термина. Интересен тот факт, что многие из этих слов так и не ассимилировались в немецком языке, а в XIX в. попали в список «вредоносных слов», от которых предлагали избавиться пуристы, ратовавшие за чистоту родного языка. Сегодня проблема избыточного использования заимствованных слов вновь актуальна. Объем слов иностранного происхождения, встречающихся в

нормативных актах ЕС на немецком языке, резко отличается от ситуации в немецком законодательстве. При этом их употребление зачастую необоснованно.

3.2. *Заемствования в праве ЕС и немецком законодательстве*

Количество слов с детерминирующими заимствованную лексику компонентами *-tät*, *-tion*, *-ieren* в документах Евросоюза не сопоставимо с аналогичной лексикой в немецких правовых документах. На 412 страницах текста Договора о функционировании Европейского союза и 283 страниц Лиссабонского договора встречается соответственно 503 и 278 слов с компонентом *-tät* и более 1000 слов с компонентом *-tion* в обоих документах. В то же время на 50 страницах Основного закона и 422 страницах ГГУ встречается 44 и 122 слова с *-tion* и 9 и 13 с *-tät* соответственно. Глаголов на *-ieren* всего 25 в Основном законе и 64 в ГГУ, в то время как в упомянутых выше текстах ЕС их насчитывается примерно от 200 до 300. Среди используемых слов встречается много единиц, для которых в немецком языке имеются эквиваленты, что ставит под вопрос целесообразность их использования. Например, для *inkludieren* есть немецкий эквивалент *einschließen*; *aggregieren* можно выразить с помощью немецких слов *zusammenfassen* или *zusammensetzen*; *strukturieren* — нем. *einordnen*, *eingruppieren*; *diskriminieren* — нем. *benachteiligen*; *prognostizierten* — нем. *voraussagen*, *vorhersagen*, *andeuten* и др. В немецкие варианты правовых текстов ЕС проникают иноязычные слова, для которых существуют традиционные немецкие термины. Глагол *kontrahieren* используется вместо привычного сочетания *Vertrag abschließen* в Решении суда от 23.10.2014 по делу *Haeger & Schmidt GmbH против Mutuelles du Mans assurances IARD (MMA IARD) и др.* — «in dem Fall, dass der ursprüngliche Auftraggeber mit einem ersten Spediteur *kontrahiert hat*». Термин *Vertrag* заменяется обозначением *Kontrakt*: «insbesondere für kurzfristige *Kontrakte* zu beschränken», «bei Derivatgeschäften entspricht der Wert des Geschäfts dem Nominalwert *des Kontrakts*» — в других правовых документах.

Вероятно, использование заимствований призвано ускорить процесс унификации европейского права и превратить язык юридических документов в своего рода *lingua franca*, в общих чертах понятный каждому работающему с документом заинтересованному лицу, независимо от его национальной

принадлежности. Однако такой подход к использованию терминологии, несомненно, способен оказать негативное влияние на национальный терминологический корпус права. Учитывая историю развития немецкого языка и становления языка немецкого права, остается надеяться на то, что позиция сохранения национальной терминологии будет активно отстаиваться и в дальнейшем.

3.3. Репрезентация фрейма «принятие решения»

Негативное влияние, оказываемое на исконно немецкую терминологию со стороны английского языка, можно проследить на примере фрейма «решение, принятие решения». Для его репрезентации чаще всего используются глаголы *entscheiden* и *beschließen* и однокоренные с ним существительные *Entscheidung* и *Beschluss*. В англоязычных текстах правовых актов ЕС мы встречаем только одну пару: глагол *decide* и существительное *decision*. В текстах избирательных капитуляций немецких императоров встречаются оба глагола, причем *entscheiden* и его трансформации связаны с деятельностью судов, точнее принятием решения судьей, а *beschließen* используется, когда речь идет о постановлениях императора, законодательных актах более высокого уровня, требовавших, как нам известно, предварительной коллегиальной работы курфюрстов и представителей других сословий. Существительные *Entscheidung* и *Beschluss* являются синонимами, однако сферы их употребления не полностью совпадают. Наиболее частотные сочетания с глаголами и прилагательными помогают определить сферу употребления и различия данных терминов. С *Entscheidung* чаще всего встречаются прилагательные *richtig*, *schnell*, *wichtig*, *endgültig* и глаголы *treffen*, *begründen*, *fällen*, *begrüßen* (<https://www.duden.de>). Этот термин ассоциируется скорее с одним субъектом, принимающим, выносящим решение. *Beschluss* определяется в словаре Duden как «совместно принятое, вынесенное решение, результат консультаций, согласований» (<https://www.duden.de>). Среди ассоциаций данной репрезентации фрейма «решение, принятие решения» частотными являются *formell*, *richterlich*, *förmlich*, *einstimmig*, *endgültig* и *fällen*, *begrüßen*, *bedürfen*, *umsetzen*, *ergehen*.

Английский эквивалент более емкий и покрывает собой возможные варианты толкования. Перед переводчиком каждый раз стоит задача выбора правильного эквивалента при подго-

товке немецкоязычной версии нормативного акта или другого правового документа. Эта задача не всегда решается удачно. В результате границы использования двух имеющихся в немецком языке терминов размываются, что в будущем может привести к возникновению правовой коллизии. Т. А. Фесенко в своем исследовании, посвященном специфике ментального лексикона и вариантам репрезентации лексических знаний, отмечает, что в «одних контекстах отношение «ментальная единица — слово — комбинация слов» носит гибкий характер, а в других — возникают прочные связи, не допускающие иных комбинаций» (Фесенко 2005: 55). Чтобы избежать некорректного, неточного использования термина и, как следствие, неоднозначности его толкования, следует ориентироваться именно на эти «прочные связи», сформировавшиеся за время развития языка права и обусловленные особенностями правового дискурса, и при выборе эквивалента принимать решение в пользу более точного варианта, обеспечивающего однозначность используемой терминологии. Если обратиться только к названиям правовых актов ЕС, можно убедиться, что однозначное соответствие терминологии отсутствует.

«Verordnung (EU) Nr. 1094/2010 ...zur Änderung des Beschlusses Nr. 716/2009/EG und zur Aufhebung *des Beschlusses* 2009/79/EG *der Kommission*», (в англоязычном варианте «amending Decision and repealing Commission Decision»); и «Verordnung (EG) Nr. 767/2009 ...zur Aufhebung der Richtlinien und der *Entscheidung* 2004/217/EG *der Kommission*» (в англоязычном варианте «repealing Commission Decision») (<https://www.dwds.de>).

4. Заключение и выводы

Применение лингвокогнитивного подхода к изучению юридического дискурса позволяет выяснить причины неточного употребления терминов в текстах законодательства, наблюдаемых в процессе законотворческой деятельности в Евросоюзе, и выработать пути решения возникающих юридических коллизий. Кроме того, могут быть предложены стратегии и алгоритмы работы с терминологией, предупреждающие неправильный выбор эквивалента. Использование терминов в праве ЕС должно быть единообразным и унифицированным и следовать правилу: одно понятие — один термин. Небрежность в обращении с терминологией, некомпетентность лиц, задей-

ствованных при подготовке правовых документов, и взаимовлияние в рамках правового термина языковых и правовых характеристик приводят к размыванию юридических понятий, формировавшихся на протяжении столетий в национальных законодательствах. Установление четких связей между термином и концептом, реконструкция языковой картины мира людей прошлых эпох, всесторонний анализ структуры правовых концептов, учет особенностей функционирования термина в юридическом дискурсе — все это, на наш взгляд, будет способствовать увеличению эффективности и ускорению процесса евроинтеграции, позволит при этом сохранить национальную правовую идентичность.

Автор выражает признательность и благодарность Наталии Сергеевне Бабенко за помощь в подготовке статьи к публикации.

Список литературы / References

- Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1994. [Alekseev, Sergey S. (1994) *Teoriya prava* (Theory of Law). Moscow: BEK. (In Russian)].
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. [Minskiy, Marvin (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* (Frames for Knowledge Representation). Moscow: Energia. (In Russian)].
- Мюллер Ю. Э. Prinzipien, Arten und Charakteristika von Definitionen in der deutschen und englischen Logistikterminologie // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 7. С. 39—49. [Myuller, Yuliya E. (2016) Principles, Types and Characteristics of Definitions in German and English Logistics Terminology. In *Filologicheskiye nauki v MGIMO* (Philological Sciences at MGIMO), 7, 39—49. (In German)].
- Фесенко Т. А. Ментальный лексикон: проблемы структуры и репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 53—58. [Fesenko, Tamara A. (2005) Mental'nyj leksikon: problemy struktury i reprezentatsii (Mental Lexicon: Problems of Structure and Representation). In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* (Issues of Cognitive Linguistics), 3, 53—58. (In Russian)].
- Auswärtiges Amt (2019, May 2). *Die deutsche Sprache in der EU*. Retrieved from <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/deutsche-europapolitik/deutschespracheindereu-node>
- Born, Joachim (2000) Die Stellung des Deutschen in den Europäischen Institutionen. In Besch, Werner; Betten, Anne; Reichmann, Oskar, & Sonderegger, Stefan. (eds) *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2. Aufl. 2. Teilband. Berlin,

- New York: Walter de Gruyter, 2175—2185.
- Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. (2018, October 1) *Bürgerliches Gesetzbuch*. In der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002. Retrieved from <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/>
- Burgdorf, Wolfgang. (2015) *Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519-1792*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH.
- Deutscher Bundestag. (2018, October 1) *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*. In der Fassung vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347) Retrieved from <https://www.bundestag.de/grundgesetz>
- Duchhardt, Heinz. (2015) *Wahlkapitulationen in Europa*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH.
- Duden online. (2018, October 5) Beschluss. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Beschluss>
- Duden online. (2018, October 5) Entscheidung. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Entscheidung>
- Duden online. (2019, October 15) Bürde. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Buerde>.
- Duden online. (2019, October 15) Schuldigkeit. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Schuldigkeit>
- DWDS. (2019, October 17) gültig. In *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb/gueltig>
- DWDS. (2019, October 17) rechtlich. In *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb/rechtlich>
- EUR-Lex. (2018, October 10) *Konsolidierte Fassungen des Vertrags über die Europäische Union und des Vertrags über die Arbeitsweise der Europäischen Union*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT>.
- EUR-Lex. (2018, October 10) *Vertrag von Lissabon zur Änderung des Vertrags über die Europäische Union und des Vertrags zur Gründung der Europäischen Gemeinschaft*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:C2007/306/01>
- EUR-Lex. (2019, December 10) Entscheidung der Kommission vom 25. Januar 2006 über die staatliche Beihilfe C 54/2003 (ex N 194/2002), die die Bundesrepublik Deutschland im Rahmen einer Erstattungsregelung im Zusammenhang mit der Einführung eines Mautsystems. Retrieved für schwere Nutzfahrzeuge auf deutschen Autobahnen gewähren will. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1582835664091&uri=CELEX:32009D0150>
- EUR-Lex. (2019, December 10) *Urteil des Gerichts erster Instanz (Dritte Kammer) vom 7. November 2002*. — Vela Srl und Tecnagrind SL gegen Kommission der Europäischen Gemeinschaften. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1583086248779&uri=CELEX:61999TJ0141>

- EUR-Lex. (2019, December 10) *Urteil des Gerichtshofs (Große Kammer) vom 15. Oktober 2019*. Dumitru-Tudor Dorobantu Rechtssache C-128/18. ECLI-Identifikator: ECLI:EU:C:2019:857. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/DE/TXT/?qid=1582835664091&uri=CELEX:62018CJ0128>
- EUR-Lex. (2020, February 8) *Verordnung (EG) Nr. 767/2009 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 13. Juli 2009 über das Inverkehrbringen und die Verwendung von Futtermitteln*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1582673283394&uri=CELEX:32009R0767>
- EUR-Lex. (2020, February 8) *Verordnung (EU) Nr. 1094/2010 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 24. November 2010 zur Errichtung einer Europäischen Aufsichtsbehörde (Europäische Aufsichtsbehörde für das Versicherungswesen und die betriebliche Altersversorgung)*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1582673319108&uri=CELEX:32010R1094>
- Fuhr, Ludwig. (1962) *Zur Entstehung und rechtlichen Bedeutung der mittelalterlichen Formel „ane arglist unde geverde“*. Diss. jur. Frankfurt am Main.
- Grimm, Jacob. (1899, 1956) *Deutsche Rechtsalterthümer*. Bd. I. Leipzig: Dietrich'sche Verlagsbuchhandlung; Berlin: Akademie-Verlag (Nachdruck der 4. Aufl.).
- Haff, Karl. (1949) Der germanische Rechtssprecher als Träger der Kontinuität. In *ZRG, Germ. Abt.*, 66.
- Liebermann, Felix. (1903) *Die Gesetze der Angelsachsen*. Bd. I. Text und Übersetzung. Halle a. S.: Niemeyer.
- Richthofen, Freiherr Karl Otto Johannes Theresius. (1840) *Friesische Rechtsquellen*. Berlin: Nicolaische Buchhandlung.

Anastasiya V. Berezovskaya

Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University)

Legal Concepts and Their Implementation in the Legal Terminology used in Germany and in the European Union

The article deals with the problems of functioning of the German legal language in the context of globalization and ways to solve them. Language is the main tool of professional activity for a lawyer. It is necessary for a precise understanding of the law. The concept of a United Europe in the context of a single global space has changed the formats of communication in different spheres of human activity, which, of course, influenced and continues to have a negative impact on professional languages. Thus, the German terminological corpus, formed over the centuries, is exposed to more and more aggressive external influence. We can talk about creation of the new terminological system — of the common European conceptual framework that

will contribute to the formation of the common European legal space. The processes of convergence of national legislation aimed at the unification of the legal systems of the member States should take into account the national identity of legal terminology. National law is considered here as a historically formed expression of cultural identity. Particular attention is paid to the difficulties associated with the choice of equivalent or filling the lexical lacuna, to the relationship of legal concepts and ways of their implementation, as well as to the problem of borrowing in the language of law. The material for the study was the legal acts of Germany and the EU.

Key words: Terminological corpus; European legal terminology; concept; national identity; equivalent

РЕЛЕВАНТНОСТЬ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ СТРУКТУР ФЕЛЬЕТОНА КАК ОСОБОГО ТИПА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Фельетон, особый жанр публицистики, сочетает особенности художественного и публицистического текста. Доминирующими функциями фельетона являются информативная функция и функция воздействия на читателя. Центральной категорией текста является смысл. На основании сущностных признаков фельетона определено его место в типологии текстов как информативно-художественного текста. Исследование проведено на материале современных немецкоязычных источников в сфере массовой коммуникации. Интегративный подход к исследованию смыслообразования на уровне тематической, лексической, грамматической, стилистической структур фельетона направлен на выявление текстоспецифических стилевых черт особого типа немецкоязычных публицистических текстов современных СМИ. Описание стилевых черт фельетона вносит вклад в перспективу изучения типологии текстов на материале разных языков.

Ключевые слова: публицистический жанр; фельетон; смысл текста; концепт; стилевая черта

1. Введение

В современной науке текст как носитель информации считается действенным способом влияния на сознание людей. Фельетон является ярким примером текста, способного воздействовать на разум читателей. Фельетон рассматривается в рамках функционально ориентированной типологии текстов (Texttypen), предложенной К. Бринкером, как особый тип (Textsorte) публицистических текстов. Главным критерием для определения типа текста, согласно К. Бринкеру, является его доминирующая функция, выраженная в тексте специфическими, конвенционально (ситуативно) обусловленными, коммуникативно-функциональными и структурными признаками. «Sie haben sich in der Sprachgemeinschaft historisch entwickelt und gehören zum Alltagswissen der Sprachteilhaber; sie besitzen eine normierende Wirkung, erleichtern aber zugleich den kommunikativen Umgang, indem sie den Kommunizierenden mehr oder weniger feste Orientierungen für die Produktion und Rezeption von Texten geben»

(Brinker 1992: 133). К. Бринкер относит фельетоны к информационному типу текстов. Фельетон в широком понимании — короткая сатирическая статья, имеющая критический характер. В немецком языке (*das Feuilleton*) означает: «1. *Literarischer, kultureller oder unterhaltender Teil einer Zeitung*; 2. *Literarischer Beitrag im Feuilletonteil einer Zeitung*; 3. *Populärwissenschaftlicher, im Plauderton geschriebener Aufsatz*» (DUW 1996: 504).

1.1. К истории становления фельетона

В «Литературной энциклопедии» (Кокорев 1939) описана история возникновения фельетона. Термин «фельетон» возник во Франции в начале XIX в. Впервые термин появился во французском языке: *feuilleton* и *feuille* — «лист», «листок». Первые фельетоны включали в себя афиши театров, объявления, шутки, карикатуры, стихи, стихотворные загадки и шарады. С течением времени рубрика изменилась и стала представлять собой небольшой юмористический рассказ, а затем превратилась в отдельный сложный жанр. Чтобы определить место фельетона в современной немецкой публицистике, имеет смысл обратиться к истокам данного типа текста в Германии, к истории его появления. В Германии фельетон получил свое развитие в 30-50-х гг. XIX в., благодаря трудам таких писателей-публицистов как Генрих Гейне («Письма из Парижа») и Карл Людвиг Берне («Парижские письма»). Оба писателя являются одними из основоположников политического фельетона в Германии. Их фельетоны поэтичны и очень эмоциональны, полны призыва к борьбе против феодализма и мещанства. Во времена империализма в Германии, в начале XX в. популярностью пользовались сенсационные фельетоны Максимилиана Гардена — известного немецкого журналиста, актера и публициста, который приобрел известность в 1907 г. благодаря критике и обличению негативных качеств людей, приближенных в то время к последнему германскому императору и королю Пруссии Вильгельму II и входящих в его привилегированное окружение. В 1892 г. Максимилиан Гарден создал еженедельник под названием «*Die Zukunft*», в котором публиковал собственные фельетоны и статьи о политике и искусстве.

Большой вклад в развитие данного жанра внесли известные немецкие фельетонисты: Жан Поль (настоящее имя Иоганн Пауль), Карл Людвиг Эрнст Коссак, Йозеф Рот, Вальтер Беньямин, Зигфрид Кракауэр, Теодор Герцль, Феликс Зальтен, Элис Тере-

за, Эмма Шалек, Стефан Цвейг и др. Наиболее известными писателями, журналистами-фельетонистами в современной немецкой прессе можно считать таких авторов как: Мануэль Дж. Хартунг, Ирэна Гетц, Торстен Хармзен, Харальд Мартенштейн, Йенс Есзен и др.

В современной научной литературе не уделяется достаточного внимания исследованию фельетона как особого жанра публицистического текста. В отдельных работах отечественных авторов отмечены разные особенности фельетона: 1) двойственность жанра, нахождение на стыке публицистического и художественного стилей (Журбина 1965: 67-68); 2) коллизия, публицистическое наполнение столкновения мнений (Ibid.: 210); 3) скрытый, глубинный характер комического конфликта (Ibid.: 211); демонстрация комической сущности любого отрицательного факта (Кройчик 1975: 164-165).

1.2. Цель и задачи исследования

Недостаточно исследованный в германистике углубленный лингвистический анализ смыслообразования на материале немецкоязычных фельетонов послужил нам основанием для обращения к данной проблеме.

Выбор предмета и объекта исследования обусловлены необходимостью более глубокого изучения сущностных признаков и особенностей смыслообразующих структур фельетона. Учитывая, что центральная категория текста — категория смысла, мы считаем необходимым использовать интегративный подход к исследованию текстоспецифических смыслообразующих структур фельетона на разных уровнях смыслообразования (тематическом, лексическом, грамматическом, стилистическом) в соответствии с интенцией отправителя информации, что определяет цель и новизну нашего исследования. Данная цель предполагает решение следующих задач:

1) выявить сущностные признаки фельетона и его место в типологии текстов как вида информативно-художественного текста;

2) описать особенности текстоспецифических смыслообразующих структур немецкого фельетона с целью выявления наиболее релевантных стилиевых черт на тематическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

На основании изученных нами постулатов по исследуемой

проблематике можно выделить следующие сущностные признаки фельетона:

- главная задача фельетона как сатирического жанра — обнаружение отрицательных фактов действительности и их последующее устранение из жизни общества;
- одной из важнейших функций фельетона является функция воздействия — призыв к действию, влияние на разум, чувства и эмоции читателя;
- фельетон соотносится с субъективной позицией, мнением автора, такой текст формирует отношение и мнение читателя по актуальной для общества проблеме, создает позицию и мнение читателя, которое, тем не менее, не противоречит мнению автора-фельетониста;
- логика, ясность, простота и доступность изложения характерна для передачи информации;
- фельетон сочетает в себе особенности как публицистического, так и художественного текста, является смешанным жанром;
- эмоциональность и экспрессивная образность фельетона — обязательные условия его эффективности и результативности;
- фельетон обладает такими чертами как комичность, полемичность, ироничность и сатиричность.

2. Характеристика материала и методов исследования

Корпус эмпирического материала исследования представлен 50 немецкоязычными фельетонами, опубликованными в популярных немецких газетах (36): «Die Zeit», «Süddeutsche Zeitung», «Junge Welt», «Die Welt», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Berliner Zeitung»; австрийских: «Die Presse» и швейцарских («Neue Zürcher Zeitung»; журналах (2): «Tichys Einblick», «Zeit Magazin»; книгах (1), электронных источниках (11).

Интегративный подход к исследованию смыслообразующих структур фельетона на разных уровнях (тематическом, лексическом, грамматическом, стилистическом) осуществлялся с применением целого комплекса методов и приемов, включая лексикографическое описание, компонентный, этимологический, лингво-когнитивный, контекстуальный, количественный анализ. Лингво-когнитивный анализ использовался с целью изучения процессов номинации определенных смысловых полей, концептов, как результата взаимодействия когнитивных и лингвисти-

ческих механизмов в процессе актуализации смыслообразующих концептов. С позиции лингвокультурологической направленности в рамках лингво-когнитивного анализа была исследована национально-культурная специфика репрезентированных концептов в смысловой структуре фельетона. Контекстуальный анализ выполнялся с опорой на широкое понимание контекста: изучение словесного окружения языковых единиц и контекста культуры лингвокультурной общности.

3. Результаты исследования и их обсуждение

На тематическом и лексическом уровне нами были выявлены номинации следующих смыслообразующих концептов, обнаружившие следующую номинативную плотность: «искусство» с номинативной плотностью 26%, «общественно-политическая жизнь» (20%), «образование» (13%), «интернет и социальные сети» (10%), «этика и мораль» (10%), «гендер» (6%), «внутреннее состояние человека» (6%), «феминизм» (4%). Для иллюстрации приведем примеры.

На уровне лексических смыслообразующих структур релевантными являются концепты:

1) концепт «искусство» (включая концепт «литература») является наиболее частотным по номинативной плотности (26%):

*«Unter ihnen sticht besonders ein 1934 entstandenes **Porträt** der ersten deutschen Museumsdirektorin Hanna Stirmemann hervor, die einige **Werke der Künstlerin** im selben Jahr im Stadtmuseum von Jena ausstellte»* (Kress 2019);

2) концепт «общественно-политическая жизнь» (20%): *«Dass **Polizisten** in einer **Demokratie** taktieren müssen, um dem **Recht** ausnahmsweise Geltung zu verschaffen»* (Fischer 2019);

3) концепт «образование» (13%):

*«Clay Shirky, **Professor** für neue Medien an der New York **University** und vor kurzem von «Foreign Policy» zu einem der «100 einflussreichsten Köpfe der Welt» gewählt, hat sich Leo Tolstois «Krieg und Frieden» vorgenommen»* (Jandl 2018);

4) концепт «интернет и социальные сети» (10%):

*«An jedem Facebook-Tag also, jedem **Twitter-Tag** und jedem Tag auf **Instagram** muss man nun diese Göttinnen anschauen und dazu auch noch eine Suppe der **Superlativ-Hashtags**, in der die Bilder schwimmen»* (Prizkau 2019);

5) концепт «этика и мораль» (10%):

*«So tritt **die Heuchelei** in sein Leben, und der freudlose, immer vorwurfsvolle*

und *bittere Habitus entsteht*» (Jessen 2017);

6) концепт «гендер» (6%):

«Am besten, jeder sucht sich **ein Geschlecht** aus und wer auf **kein Geschlecht** Lust hat, ist dann halt „**Drittes**“» (Gadamer 2018);

7) концепт «внутреннее состояние человека» (6%):

«*Rassismus definiert die Regeln des Zusammenlebens in einem kleinen Ort im Osten von Texas: Attica Locke erzählt in "Bluebird, Bluebird" von **Hass, Ehre, Angst und Begehren***» (Fischer 2019);

8) концепт «феминизм» (4):

«*Denn die Idee **des Feminismus** — ein Leben ohne Zuschreibung —, es ist eine Idee, die keinem Kopf, egal ob **männlich** oder **weiblich**, schadet*» (Prizkau 2019).

Особого внимания заслуживает детальный анализ культурно маркированных лексических единиц, используемых в фельетоне, что способствует достижению достоверности излагаемой информации. Мы выделили следующие релевантные для анализируемых текстов слова-реалии:

1) имена собственные (антропонимы, топонимы) составили 59% от общего числа слов-реалий: 1) антропонимы: Gerhard Richter, Marcel Proust, Hans Magnus Enzensberger, Jeff Koons, Kurt Schwitters, Sam Keller, Michael Majerus, Clay Shirky, Joseph Roths, Adam, Eva, Thomas Mann, Moritz Schmidt, Pamela Rosenkranz, Bedford Stroh, Lois Hechenblaikner, Laurie Penny, Hans Arp, Beyoncé Knowles, Shakespeare, Hillary, Madeleine Albright, Bill Clinton, Gertrude Stein, Bernie Sanders и др.; 2) топонимы: Fondation Beyeler, die Schweiz, Mailand, Sotheby's, Basel, Linz, Baden-Württemberg, St. Pauli, Europa, Graz, Texas, Osttexas и др.;

2) обозначения социального статуса, должностей персонажей текстов составили 24% от общего числа слов-реалий: der Maler, der Bildhauer, der Reporter, der Galerist, der Ausstellungs-Kurator, die Schützen, die Justizsoldaten, der Vorsitzende, der Staatsanwalt, der Geschworene, der Sprecher, der Landesbischof, das Parteiamt, Berufskraftfahrer, der Metzger, der Industriereiniger, der Pflasterer, der Schlosser, der Rentner, Justiz-Fachangestellte, die Friseurinnen, der Buchhändler, der Kaiser, die Regisseurin;

3) названия еды, напитков (9%): Friesengeist, das Curry, Ladyfingers (Окра), der Kornschnaps, der Schnaps и др.;

4) названия деталей костюмов и украшений (5%): Mi-

nidirndl, Lederhosen, Jeans, Bascap, Spitzhüte, Flickenschürzen;

5) обозначения денежных единиц, валюты (1%): Dollar, Euro.

Различные способы выражения оценочности и эмотивности воздействуют на восприятие смысла текста. Текстоспецифическим средством оценочного высказывания в фельетонах является имплицитная оценка, которая содержится не в значении слова, а в контексте. К имплицитному типу оценочности относят квазицитаты как оценочную универсалию в публицистическом тексте. Это особый механизм оценки. Квазицитаты являются цитатами «вырванными» из другого контекста, но за счет цитирования у читателя создается ощущение правдоподобности написанного. В этом случае мы имеем также возможность рассматривать варианты трансформации цитат — их «расширения» с помощью журналистского комментария, так как «расширительные» комментарии позволяют закладывать в цитату дополнительный оценочный смысл. Этот прием позволяет управлять сознанием аудитории и оказывать воздействие на читателя. Использование автором квазицитат указывает на доминирующую в тексте субъективную оценку:

«„Im Bildungsbereich sollte man Vorreiter sein“, sagt Gender-Beauftragter Martin Adam. „Zwang führt zu Widerstand“, sagt Evi Genetti, die diese Vorschriften bei eigenständigen wissenschaftlichen Arbeiten für problematisch hält» (Sommerbauer 2009).

Исследуя грамматический уровень, мы выявили: 1) в отношении категории темпоральности настоящее время — наиболее частотная временная форма глагольных конструкций (как способ отражения актуальности событий); 2) как способ выражения субъективной модальности (отношения автора к излагаемым фактам) были выявлены различные способы выражения: использование модальных глаголов, слов и частиц.

На уровне синтаксической организации текста релевантно преобладание простых нераспространенных предложений, наличие инверсии (экспрессивный порядок слов); при этом автор ориентирует читателя на понимание сущности и актуальности самого факта или действия. Часто в определенном синтаксическом контексте комическое переосмысливается как сарказм:

«... unter dem syntagmatischen Aspekt okkasionelle Tönungen der Komik Sarkasmus ausdrücken können» (Riesel, Schendels 1975: 263).

Например:

«*Sehr geehrter Herr, sehr geehrte Frau, reicht nun nicht mehr. Sehr geehrtes Drittes wäre eine sinnvolle Ergänzung*» (Gadamer 2018).

Стилевая черта логичности изложения прослеживается в наличии большого количества сложносочиненных предложений. Риторические вопросы направлены на побуждение читателя к размышлению. Автор заставляет читателя задуматься, самому ответить на поставленный вопрос, и, тем не менее, не требует ответа: «*Was aber, wenn immer weniger gelesen wird?*» (Jandl 2018) Риторический вопрос в фельетонных текстах зачастую выступает в функции диалога с читательской аудиторией:

«*Warum ich das erzähle? Wahrscheinlich weil sogar diese Oh-Baby-Britney damals wusste, was junge, kluge, engagierte Frauen aus ihren Köpfen aussperren im Jetzt: Es hat keinen Sinn, an Göttinnen zu glauben*» (Prizkau 2019).

В качестве наиболее релевантных смыслообразующих стиливых черт анализируемых фельетонов на стилистическом уровне мы выделили эмоциональность (ирония и сарказм), оценочность, экспрессивную образность, ясность, логику изложения и достоверность. В процессе интерпретации рассматриваемых негативных фактов и событий действительности, журналист выявляет их социальную роль. С помощью большого количества языковых средств им придается сатирический и комический образ. Авторы сознательно нарушают нормы стилистической сочетаемости и используют смешение стилей (Stilmischung) в узком контексте. Все это соответствует стилевой направленности фельетона, в котором часто проявляются процессы взаимодействия разговорных, общественно-деловых и литературных стилей, например, вкрапления разговорной, просторечной лексики:

«*Man kann aber auch nur das Göttinnen-Potenzial dieser bestimmten Frauen kalkulieren, um zu kapiieren, dass dieses sich nicht rechnet*» (Prizkau 2019).

Для фельетонного текста характерно употребление иронии и сарказма. Ирония — это тонкая насмешка, намекающая на несоответствие положительного значения и отрицательного подтекста, выраженная в скрытой форме. Механизм возникновения иронию и функцию выдвижения в тексте объяснили немецкие стилисты В. Фляйшер и Г. Михаэль:

«Zunächst werden negative Wertungen in ihr scheinbar positives Gegenteil übersetzt und so hervorgehoben» (Fleischer, Michel 1977: 155).

Так, насмешка часто прикрывается серьезной формой написания или произнесения:

*«Die vegetarische Küche Indiens hat nicht nur religiöse Motive, obwohl der Gedanke der Seelenwanderung natürlich nahelegt, den Verzehr eines Huhns zu scheuen, in dem womöglich **der Geist des Onkels gackert**»* (Jessen: 2017).

*(2) «Wer sich bis her schon nicht sicher war, wessen Geschlecht sein Kind ist, wird es in Zukunft leichter haben. **Die Eltern lassen bei ihrem Kind einfach ein 3. Geschlecht eintragen**»* (Gadamer 2018).

В плане иерархии стиливых черт фельетонных текстов эмоциональность, в частности, ирония и сарказм выступают как основные стиливые черты. Использование иронии и сарказма авторами-фельетонистами свидетельствует о сатирической сущности фельетонных текстов и цели воспитания у читателя критического отношения к проблемам современного общества.

4. Заключение

Полученные нами результаты позволяют сделать вывод о текстоспецифических особенностях фельетона: ярко выраженную сатирическую направленность, демонстрацию комической сущности при изложении отрицательных фактов действительности средствами выражения эмоциональности и оценочности, а также образную экспрессивность. Фельетон сочетает в себе черты как художественного, так и публицистического текста и является перспективным объектом лингвистического изучения типологии текстов на материале разных языков.

Результаты проведенной нами работы могут быть применены в дальнейшем исследовании публицистических текстов в конкретном современном лингвокультурном пространстве, а также в практике обучения немецкому языку на продвинутом этапе обучения при углубленном лингвистическом анализе и интерпретации смысла публицистических текстов.

Список литературы / References

- Журбина Е. И. Искусство фельетона. М.: Художественная литература, 1965. [Zhurbina, Yevgeniya I. (1965) *Iskusstvo felyetona* (The Art of Feuilleton). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Кокорев А. В. Фельетон // Литературная энциклопедия / под ред.

- A. В. Луначарского. В 11 т. Т. 11. М.: Художественная литература, 1939. Стб. 689—695. [Kokorev, Aleksandr V. (1939) Felyeton (Feuilleton). In Lunacharsky, Anatoly V. (ed.) *Literaturnaya Entsiklopediya* (Literary Encyclopedia). In 11 vols. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, col. 689—695. (In Russian)].
- Кройчик Л. Е. Современный газетный фельетон. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1975. [Kroychik, Lev E. (1975) *Sovremenny gazetny felyeton* (The Modern Newspaper Feuilleton). Voronezh: Voronezh University Press. (In Russian)].
- Ризель Э. Г., Шендельс Е. И. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1975. [Riesel, Elise G., Schendels, Evgeniya I. (1975) *Stilistika nemetskogo yazyka* (Stylistics of the German language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Brinker, Klaus. (1992) *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- DUW — Dudenredaktion. (ed.) (1996) *Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim: Dudenverlag.
- Fischer, Stefan. (2019, May 02). *Unter Scheinheiligen*. Retrieved from <https://www.sueddeutsche.de/kultur/amerikanische-literatur-unter-scheinheiligen-1.4412637>
- Fleischer, Wolfgang, & Michael, Georg. (1977) *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig.
- Gadamer, Klaus-Jürgen. (2018, December 12). *Das Dritte Geschlecht*. Retrieved from <https://www.tichyseinblick.de/feuilleton/glosse/das-dritte-geschlecht>.
- Jandl, Paul. (2018, March 17). *Lesen!* Retrieved from <https://www.google.com/amp/feuilleton/lessen-ld1364416>.
- Jessen, Jens. (2017, September 04). *Vegetarische Raubtiere*. Retrieved from <https://www.zeit.de/2017/27/fleischkonsum-vegetarismus-indien-deutschland-tierleben>.
- Kress, Jonathan. (2019, May 03). Porträt der Direktorin. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from <https://m.faz.net/aktuell/feuilleton/kunstmarkt/nagel-auktionen-portraet-der-direktorin-16169222.html>.
- Prizkau, Anna. (2019, May 10). Wenn Frauen beten. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from <https://www.google.com/amp/s/m.faz.net/aktuell/feuilleton/feminismus-wenn-frauen-beten-14306193.amp.htm>.
- Sommerbauer, Jutta. (2019, May 14). Genderproblem: Gerechte Sprache nach Leitfaden? *Die Presse 22.02. 2009*. Retrieved from <https://www.google.com/amp/s/amp.diepresse.com/454786>.

Olga I. Bykova
Voronezh State University

**Relevance of the Meaning Forming Structures of the Feuilleton
as a Special Type of Publicistic Texts in Modern Media**

Feuilleton, a special genre of journalism, combines the features of artistic and journalistic text. The dominant functions of the feuilleton are the informative function and the function of influencing the reader. The Central category of the text is meaning. Based on the essential features of the feuilleton, its place in the typology of texts as an informative and artistic text is determined. The study is based on the material of modern German-language sources in the field of mass communication. An integrative approach to the study of meaning formation at the level of thematic, lexical, grammatical, and stylistic structures of the feuilleton is aimed at identifying text-specific stylistic features of a special type of German-language publicistic texts of modern media. The description of the meaning-forming stylistic features of the feuilleton contributes to the perspective of studying the typology of texts based on the material of different languages.

Key words: Journalistic genre; feuilleton; meaning of the text; concept; style feature

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «КОММУНИКАЦИЯ» / «ДИСКУРС» И ВОЗМОЖНОСТЯХ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПОСЛЕДНЕГО

Феномен «дискурса» с большим трудом поддается типологизации. В качестве возможного решения проблемы предлагается подход с точки зрения теории коммуникации, согласно которому «дискурс» понимается как Текст (ряд текстов), сложившийся в результате взаимодействия всей совокупности коммуникативных факторов. В работе рассматриваются самые известные модели акта коммуникации и излагается ее авторский вариант. На основе входящих в эту модель коммуникативных факторов дифференцируются наиболее важные типы дискурса.

Ключевые слова: дискурс; коммуникация; модели коммуникации; типы дискурса

1. Введение

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть соотношение понятий «коммуникация» и «дискурс» и предложить критерии типологизации последнего. Его основная гипотеза заключается в том, что в качестве таковых могут выступить отдельные коммуникативные факторы либо их сочетания.

Несмотря на весьма значительное количество работ по проблематике дискурса, нельзя признать решенными как вопрос определения соответствующего понятия, так и проблему его типологизации.

Типологии обычно строятся по родовидовому принципу: вначале определяется опорная величина, а затем — на основе тех или иных дифференциальных признаков — ее отдельные разновидности. В случае дискурса сделать это довольно непросто в связи с разнообразием и многомерностью соответствующего феномена, ср.:

«...формы дискурса столь же разнообразны, как и формы самой человеческой жизни. Расклассифицировать все разновидности дискурса на типы — крайне сложная задача. Кроме того, в литературе о типах дискурса царит крайний разнобой, разные авторы предлагают совершенно несоотносимые подходы» (Кибрик 2009).

Дополнительные сложности возникают в связи с отсутствием

четко разграничиваемых дифференциальных признаков.

В современной отечественной лингвистике понятие «дискурс» обычно определяют, отталкиваясь от опорного понятия «текст» (реже — «речь»). Едва ли не классическими в этом отношении стали дефиниции дискурса Н. Д. Арутюновой: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 136-137), а также В. И. Карасиком: «текст, погруженный в ситуацию общения» (Карасик 2000: 5).

В связи с этим удивляет отсутствие попыток соотнести понятия дискурса и коммуникации, поскольку именно в теории коммуникации, собственно, и начали рассматривать текст с учетом совокупности различных экстралингвистических факторов (если угодно, «погруженным» в ситуацию коммуникации). Одним из немногих исключений на этом фоне может считаться подход А. В. Голоднова, по мнению которого

«...элементами дискурса являются участники коммуникации, само сообщение (или текст), код, на котором создано сообщение, и экстралингвистическая ситуация, в которой происходит коммуникация...» (Голоднов 2009: 79).

На наш взгляд, действительное положение вещей здесь представлено с точностью до наоборот: на самом деле дискурс (сообщение, текст) является элементом коммуникации, а именно результатом взаимодействия всех коммуникативных факторов (участников, кода, ситуации и др.). Представляется, что именно эти факторы (и их сочетания) способны выступить в качестве дифференциальных признаков дискурса.

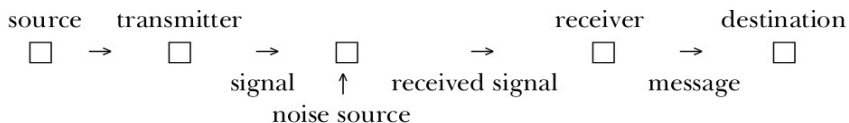
2. Основные модели акта коммуникации

Рассмотрим вначале наиболее популярные модели акта коммуникации. Родоначальником таковых обычно считается Г. Лассуэлл, предложивший формулу «Who says What in Which channel to Whom with What effect?» (Lasswell 1948). Как видим, здесь отсутствует какая-либо схематизация, но основной недостаток этой «формулы» состоит в том, что в ней нет фактора «Код», который, на наш взгляд, является определяющим для коммуникации — под последней мы понимаем интенциональное получение / сообщение информации с помощью историче-

ски сложившихся или искусственно созданных семиотических систем (кодов) в процессе той или иной деятельности либо социального взаимодействия.

В связи с этим настоящими основоположниками коммуникативных моделей следует признать американских математиков К. Шеннона и У. Уивера (Shannon, Weaver 1963: 7), которые предложили в 1949 г. следующую схему.

information

Кодирование в этой схеме присутствует в имплицитной форме, поскольку они интерпретируют Передатчик как кодирующее и Приемник, соответственно, как декодирующее устройство.

При разработке данной модели Шеннона и Уивера интересовала, прежде всего, проблема потери информации в Канале, а также возможности измерения таковой, однако им первым удалось показать, что общение является комплексным процессом и правильно очертить некоторые его составляющие.

С тех пор было предложено немало моделей коммуникации. К числу наиболее известных относится схема Р. О. Якобсона (Якобсон 1975: 198).

	Контекст	
Отправитель	Сообщение	Получатель
	Код	
	Контакт	

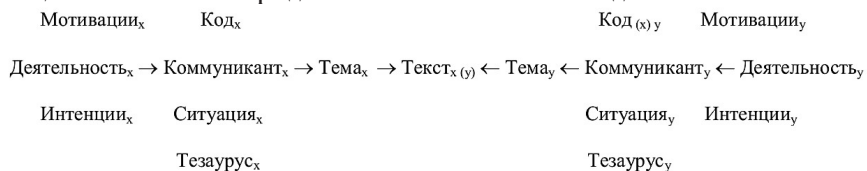
Эта модель получила известность, прежде всего благодаря систематизации языковых функций, которые Якобсон вывел именно из отдельных факторов. Так, например, на основе фактора «Контакт» он постулировал так называемую фатическую функцию, которой обладают высказывания, направленные не на сообщение информации, а на инициирование, поддержание или разрыв коммуникации, контроль за проницаемостью канала и т. п. (Якобсон 1975: 201).

Одну из наиболее удачных моделей коммуникации представил в свое время известный переводовед из ГДР О. Каде (Kade 1980: 103-108). Его модель «коммуникативной ситуации», ко-

торая, к сожалению, не получила у автора схематического изображения, включает следующие факторы:

- 1) цель коммуникации;
- 2) предмет коммуникации;
- 3) передатчик;
- 4) адресат/приемник;
- 5) коммуникативное сообщество;
- 6) средства коммуникации;
- 7) условия передачи.

На основе рассмотренных и иных моделей акта коммуникации нами была предложена собственная модель.

Особенностями данной модели являются, во-первых, ее бинарный характер — каждый из участников обладает своим собственным набором коммуникативных факторов, а во-вторых, коммуникативная деятельность рассматривается в ней как составная часть деятельности материальной или духовной.

Вкратце охарактеризуем содержание каждого из приведенных коммуникативных факторов.

- **Коммуникант:** участник коммуникации; охватывает различные социальные и биологические характеристики партнеров по коммуникации (социальный статус, профессия, должность, возраст, пол, физические данные).

- **Деятельность:** материальная или духовная деятельность, в которую включена собственно коммуникация.

- **Мотивации:** потребности, интересы, ценности коммуникантов, побуждающие коммуникантов начинать какую-либо деятельность и/или вступать в коммуникацию.

- **Интенции:** намерения, задачи и цели, которые преследуются коммуникантами.

- **Ситуация:** время, место и другие условия коммуникации.

- **Тезаурус:** «понятийный словарь», ядро фоновых знаний (знаний о мире) коммуниканта.

- **Код:** семиотическая система, применяемая для передачи

информации. Это, прежде всего, естественный язык (вербальный код), однако в коммуникации используются и многие другие коды (жестика, проксемика, эмблематика, символика, условные знаки и т. д.). Следует также учитывать, что в рамках языкового кода существуют отдельные субкоды, например, жанровые, стилевые, территориальные, профессиональные, субкод образов и т. д.

- **Тема:** создаваемый / модифицируемый / переоцениваемый в процессе коммуникации концепт.

- **Текст:** основной инструмент коммуникации — построенное из элементов семиотической системы по определенным правилам (= «закодированное») сообщение.

- **Канал/Медиум:** на нашей схеме за недостатком места не указан путь, по которому информация доставляется партнеру, а также применяющиеся при этом вспомогательные устройства.

3. Основные типы дискурса

Выше уже указывалось, что отдельные коммуникативные факторы (а также их сочетания) способны выступить в качестве дифференциальных признаков для типологизации дискурса.

По параметру **Коммуникант_x** / **Коммуникант_y** могут быть выделены несколько типов дискурса. Самым простейшим, вероятно, является разграничение *монологического* и *диалогического* дискурсов.

Если **Коммуникант_x** — отдельный индивид, а **Коммуникант_y** — большое количество таковых, то мы имеем дело с *массово-информационным* дискурсом. **Коммуникант_x** может быть также коллективным («открытое письмо», «отчет правительства» и т. д.).

По признаку пол **Коммуниканта** отграничивается «гендерный» дискурс.

Совокупность текстов, произведенных тем или иным конкретным **Коммуникантом_x**, может считаться *авторским* дискурсом: к примеру, «шекспировский дискурс», «пушкинский дискурс» и т. д.

В зависимости от социальных взаимоотношений между **Коммуникантом_x** и **Коммуникантом_y** могут быть выделены *симметричные* и *асимметричные* дискурсы. К первым можно отнести тексты, отражающие общение между равноправными партнерами (например, «молодежный дискурс», «студенческий дискурс»),

ко вторым — общение между лицами с различным социальным статусом («дискурс власти», «авторитарный дискурс», «педагогический дискурс», «медицинский дискурс» и т. д.).

В формировании последних двух типов дискурса значительную роль играет фактор **Деятельность**. Этот фактор является определяющим для большого количества дискурсов – в частности, многих из тех, которые В. И. Карасик относит к типу институциональных: «политического», «религиозного», «научного», «рекламного» и др. Выделяемые им «прагмалингвистические» типы дискурса «юмористический» и «ритуальный» (Карасик 2002) также можно причислить к разряду деятельностных, пусть и со специфической **Интенцией**.

Поскольку практически любая деятельность является целенаправленной, фактор **Интенция** также должен учитываться при выделении многих типов дискурса.

Интенция может реализовываться различными способами, в этом контексте возникает проблема *дискурсивных стратегий и тактик*.

Для разграничения «профессиональных» и «профанных» типов деятельностного дискурса полезным будет привлечение фактора **Тезаурус**.

Одна из наиболее оригинальных дефиниций дискурса принадлежит литературоведу О. И. Гущиной: «Дискурс, по определению, является взглядом на проблему под определенным углом зрения...» (Гущева 2018: 53). Оценивая это высказывание, следует, во-первых, отметить, что дискурсом правильнее считать *тексты*, отражающие тот или иной взгляд на вещи, а, во-вторых, что это определение касается лишь относительно небольшого количества дискурсов. Охарактеризовать их также можно с помощью фактора **Деятельность**.

При частом выполнении тех или иных видов деятельности возникают шаблонные, рутинные, выполняемые во многом автоматически цепочки действий. Иногда к искомой Цели могут вести различные цепочки таких действий, связанных с применением разных инструментов и методов (ср. хирургическую и медикаментозную терапию в медицине). Дискурсивным аналогом таких действий может считаться *нарратив*. Этот термин истолковывается в различных направлениях гуманитарного знания по-разному. Представляется, что при его определении сле-

дует отталкиваться от обыденного значения соответствующего слова; ср. несколько примеров его использования в немецкой публицистической прессе:

«In der Gegenwart nun scheint die Wahrnehmung solcher Exterritorialität unter dem Einfluss der #MeToo-Bewegung gegenüber dem *Narrativ* vom weißen einflussreichen Mann als Täter zurückzutreten» (Klaue 2020).

«Es sollten Bürgerräte, Losverfahren und temporäre Quoten für benachteiligte Bevölkerungsgruppen geschaffen werden, um neue *Narrative* gegen „Entdemokratisierungstendenzen“ zu etablieren» (Dilmaghani, Kramer, & Quent 2020).

Опираясь на эти и подобные словоупотребления, нарратив можно определить как разновидность (в основном массово-информационного) дискурса, характеризующегося, среди прочего, следующими признаками: а) его **Отправителями** выступает достаточно обширная группа авторов, б) составляющим его текстам присущи, тем не менее, более или менее стандартная оценка сложившегося положения вещей или события, объяснение причин возникновения последних, прогнозирование их дальнейшего развития, предложение мер по улучшению сложившейся ситуации, преодолению негативных последствий того или иного события и т. д.

Весьма важную роль в их функционировании играют факторы **Мотивация / Интенция**, в связи с чем нарративы на аналогичные темы нередко кардинально отличаются друг от друга или являются даже взаимоисключающими, по крайней мере, в политической деятельности (ср. актуальные нарративы про «возвращение Крыма в родную гавань» и про «аннексию Крыма»). Нарративы могут также задаваться извне (ср. интернет-мем о «методичке»).

В качестве своеобразного **Инструмента** деятельности могут рассматриваться отдельные типы **Текста** («заявление», «инструкция», «рецензия» и т. д.).

По параметру **Код** выделяются типы дискурса в зависимости от рода используемых знаков. Важнейшим, в частности, является разграничение дискурса на «вербальный», «невербальный» и «смешанный» («креолизованный», «поликодовый») типы.

Отдельное место среди вербальных дискурсов занимает оппозиция: «одноязычный» дискурс — «двужызычный» дискурс. Они могут быть *имплицитно-двужызычными* (использование ино-

странного языка) и *эксплицитно-двуязычными* (общение с помощью переводчика).

Невербальные дискурсы могут быть самой разной природы: «изобразительный», «музыкальный», «соматический» («жестовый», «мимический» и т. д.). Для описания этих типов дискурса необходимо привлекать также фактор **Канал** (акустический, зрительный и т. д.), а для оппозиции «письменный дискурс — устный дискурс» также параметр **Деятельность** (как правило, письменные тексты бывают «обработанными»).

Фактор **Ситуация** имеет большое значение для описания «институциональных» дискурсов. Кроме того, как было указано выше, он раскладывается на несколько субфакторов, в частности, на **Время** и **Место**.

Если анализу подвергается дискурс, существующий или существовавший в течение значительного отрезка времени, то правомерно говорить об «эпохальных» дискурсах («викторианский», «перестроечный» и т. д.). Временной фактор проявляется также в случае повторяющихся дискурсов («юбилейный», «олимпийский», «рождественский» и др.).

Субфактор **Место** может послужить основанием для выделения таких типов дискурса, как «стадионный» (для которого характерна яркая поликодовость), «кухонный» (критика существующего строя), «купейный» (излияние души) и т. п. Для приведенных типов дискурса характерна и определенная тематическая заданность.

Как заметил В. И. Карасик,

«бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми (...) оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение (...) протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом» (Карасик 2000: 4).

Другими словами, для «бытового» дискурса характерна высокая значимость фактора **Тезаурус / Фоновые знания**.

Если в случае бытового общения фоновые знания и понятийные словари коммуникантов в значительной степени совпадают, то в «межкультурном» дискурсе они, напротив, сильно расходятся.

Некоторые авторы полагают, что определяющим признаком дискурса является тематическая соотнесенность, ср.:

«Дискурс — это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется (...) как языковой коррелят определенной социально- культурной практики» (Чернявская 2011: 93).

Представляется, что это определение не является универсальным, — фактор **Тема** не столь важен для описания, например, типов дискурса, выделяемых по параметрам **Коммуникант**, **Канал**, **Код**, однако этот параметр действительно должен привлекаться (в качестве вспомогательного) для характеристики многих разновидностей общения.

В приведенной цитате следует также обратить внимание на положение о том, что «дискурс — это совокупность (...) текстов...», т. е., говоря о дискурсе, чаще всего имеют в виду не отдельный текст, а, по крайней мере, ряд текстов, если не их совокупность.

4. Заключение

Итоги исследования позволяют утверждать, что коммуникативные факторы (и их сочетания) могут использоваться в качестве дифференциальных признаков отдельных типов дискурса. Данное утверждение верно, по крайней мере, применительно к относительно компактным видам дискурса — для характеристики «глобальных» типов дискурса («художественного», «публицистического» и т. д.) этот инструмент, вероятно, не будет столь эффективным в связи с необходимостью привлечения большого количества признаков.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136—137. [Arutiunova, Nina D. (1990) Diskurs (Discourse). *Linguisticheskiy Entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sov. Entsiklopediya, 136—137. (In Russian)].
- Голоднов А. В. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 104. С. 77—86. [Golodnov, Anton V. (2009) Ritoricheskiy metadiskurs kak integrativnyi tip diskursa (Rhetorical Metadiscourse as an Integrative Type of Discourse). In

- Izvestiia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences), 104, 77—86. (In Russian)].
- Гущева О. И. Идентичности Светланы Алексиевич // In *Нопорем*. Сб. ст. к 90-летию А. Е. Супруна / под ред. Е. Н. Руденко, А. А. Кожиновой. Минск: РИВШ, 2018. С. 51—62 [Gushcheva, Olga I. (2018) *Iden-tichnosti Svetlany Aleksiyevich* (Identities of Svetlana Aleksiyevich). In Rudenko, Yelena. N., & Kozhinova, Alla A. (eds) *In Honorem: A Collection of Articles to the 90th Anniversary of A. E. Suprun*. Minsk: RIVSh, 51—62. (In Russian)].
- Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональ-ный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20. [Karasik, Vladimir I. (2000) *O tipakh diskursa* (About the Types of Discourse). In *Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse*. Volgograd: Peremena, 5—20. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3—21. [Kibrik, Andrey A. (2009) *Modus, zhanr i drugiye parametry klassifikatsii diskursov* (Mo-dus, Genre and other Parameters of Discourse Classification). *Voprosy yazykoznaniya* (Topics in the Study of Language), 2, 3—21. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс. Направление: Фи-лология. 2011. № 3. С. 86—95. [Chernyavskaya, Valeriya E. (2011) *Diskurs kak fantomnyy obyekt: ot teksta k diskursu i obratno?* (Dis-course as a Phantom Object: from Text to Discourse and Back?). In *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* (Cognition, Communication, Dis-course), Field of Study: Philology, 3, 86—95. (In Russian)].
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193—230. [Jakobson, Roman O. (1975) *Strukturalizm: “Za” i “Protiv”* (Structuralism: “For” and “Against”). In Basin, Yevgeniy Ya., & Polyakov, Mark Ya. (eds) *Linguvistika i poetika* (Linguistics and Poetics). Moscow: Progress, 193—230. (In Russian)].
- Dilmaghani, Farhad; Kramer Stephan J., & Quent, Matthias. (2020, February 21) Die biografische Falle. *Zeit online*. Retrieved from <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-02/verfassungsschutz-masterplan-rechtsextremismus-nationalismus/komplettansicht>
- Kade, Otto. (1980) *Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegen-stand wissenschaftlicher Untersuchung*. Leipzig: Enzyklopädie.
- Klaue, Magnus. (2020, February 28) Die biografische Falle. *Zeit online*. Re-trieved from <https://www.zeit.de/kultur/film/2020-02/roman-polanski>

intrige-cesar-verleihung-filmpreis/komplettansicht

Lasswell, Harold D. (1948) *The Structure and Function of Communication in Society*. In Bryson, Lyman. (ed.) *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers, 37—51.

Shannon, Claude E., & Weaver, Warren. (1963) *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.

Pavel N. Donets

Karazin Kharkov National University

**To the Problem of the Relationship between the Concepts
“Communication”/“Discourse” and the Possibility to typologize the Latter**

The phenomenon of “discourse” is rather difficult to typologize. An approach from the point of view of the theory of communication is suggested as a possible solution to the problem, according to which “discourse” is understood as Text (a number of texts) formed as a result of interaction of the whole set of communicative factors. The paper considers the best known models of the communication act and presents the author’s version of it. Based on the communicative factors included in this model, the most important types of discourse are differentiated.

Key words: Discourse; communication; models of communication; types of discourse

О. А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ АВТОРОВ ТУРЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Концептуальное поле немецкоязычного дискурса турецкого автора Шинази Дикмена исследуется методом лингвокогнитивного анализа номинаций и ситуаций, ассоциируемых с базовыми концептами немецкой и турецкой культур. Указанные единицы вступают в оппозитивные отношения, которые опредмечиваются зонтичным концептом ОЦЕНОЧНОСТЬ, доминирующим в текстах анализируемой книги, имеющей сатирическую направленность. Базовые концепты обеих культур имеют другую ценностную оценку в контрастирующей культуре, что придает текстам лингвокультурную специфику.

Ключевые слова: гибридная литература; зонтичный концепт; языковые репрезентанты; лингвокультурная специфика; амбивалентная оценка

К постановке проблемы

В немецком литературоведении не прекращается дискуссия о том, как относиться к литературе, написанной авторами не-немецкого происхождения. В конце XX в. появился своеобразный реестр наименований, которыми наделялась такая литература. В реестр вошли *Gastarbeiterliteratur*, *Emigranten- und Immigrantenliteratur*, *Migrationsliteratur*, *Ausländerliteratur*, *Gastliteratur*, *eine nicht nur deutsche Literatur*, *Literatur der europäischen Arbeitsmigration*, *Minderheitenliteratur*, *inter-/multi-/mehrkulturelle Literatur*, *Literatur im interkulturellen Kontext*, *Literatur der Fremde* — *Literatur in der Fremde*, *Literatur(en) in Deutschland* (Esselborn 1997: 49). Все перечисленные разновидности не рассматривались как немецкая литература, относились скорее к литературной периферии (*Randliteratur*). Тем не менее, без этой «периферии» современная немецкая литература немислима. Чтобы снять уничижительный смысл термина «периферийный», примем нейтральное обозначение литературы авторов ненемецкого происхождения: гибридная литература. Этот термин отражает, на наш взгляд, лингвокогнитивную специфику, поскольку предполагает в данном контексте гибридизацию разных языковых и культурных традиций, представленных в языковой лич-

ности автора-билингва, живущего в этнически чуждой культурной среде.

Среди авторов гибридной литературы значительное место занимают этнические турки, которых в современной Германии насчитывается около трех миллионов. Тема жизни турок в новом культурном окружении становится все более значимой в литературе, которая в Турции воспринимается как турецкая, а в Германии как гибридная. Эта литература не может более оставаться незамеченной в отечественном литературоведении. Отметим появившуюся в 2019 г. статью (Аврутина, Рыженков 2019), в которой анализируются сюжеты, посвященные адаптации эмигрировавших в Германию турков. Наиболее остро проблемы, с которыми сталкиваются турецкие эмигранты, освещаются в публицистических очерках и близких к ним сатирических произведениях. Так, в сборнике статей «Новые гости», вышедшем под псевдонимом Фюрузан, автор показывает «не только недоброжелательное отношение немцев к «новым гостям», далеким от европейского образа жизни, но и уже плохо скрываемую неприязнь к приезжим» (Ibid.).

Признаком «чужести» этнических турков, живущих в Германии, можно считать *kanak sprach*, — выражение, появившееся в названии книги Феридуна Займоглу и символизирующее упрощенный немецкий язык, на котором говорят не только турки, живущие в Германии, но отчасти и другие мигранты и который идентифицирует их как «чужих». Элементы этого языка приводятся в гибридной литературе, как правило, в качестве цитат, прагматический смысл которых — негативная оценка социального статуса. В этом языке глаголы употребляются в инфинитиве, артикли и предлоги опускаются.

Признак оценочности проявляется и в различии картин мира немецкого и турецкого этносов. Турецкие авторы, пишущие по-немецки, прекрасно владеют немецким языком, сохраняя при этом приверженность родной культуре. Концепты, формирующие картину мира, «представляют собою сущности общенародного подсознательного» (Колесов, Пименова 2012: 5). Это подсознательное формирует, в свою очередь, перспективу языковой личности, ее взгляд на иную культуру. Непроизвольно происходит сопоставительная оценка концептов родной и чужой культур.

В имеющейся литературе к базовым концептам немецкой

культуры относятся ORDNUNG, ÜBERMENSCH (Медведева и др. 2011), ARBEIT (Скорнякова 2008). С нашей точки зрения, к базовым концептам, укоренившимся в немецком языковом сознании, можно отнести и ОБРАЗОВАНИЕ — концепт, опирающийся на глубокие исторические корни. Здесь достаточно вспомнить известное определение Ф. Г. Клопштока, который назвал Германию *Gelehrtenrepublik* или роман И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». Турецкая (или иная) языковая личность оценивает эти концепты, соотнося их с собственной картиной мира, что находит отражение, в том числе, и в художественном тексте и особенно ярко проявляется в текстах сатирической направленности. Оценка варьирует от ироничного отношения до полного неприятия и выражает лингвокультурную специфику текста. Критический анализ концептуального содержания гибридной литературы до сих пор отсутствует. Анализ этот затрудняется тем, что в отечественной литературе практически не описана концептосфера турецкой культуры.

Не претендуя на исчерпывающую информированность в области востоковедения, мы ставим в предлагаемой статье скромную задачу выявить доминирующее концептуальное содержание в дискурсе турецкого автора, выражающего, с одной стороны, отношение к перечисленным выше базовым концептам немецкой лингвокультуры, а с другой стороны, предлагающего свою интерпретацию отношения немцев к мигрантам. Представляется, что понимание этих отношений может оказаться полезным в поиске способов разрешения межкультурных конфликтов.

Материал и методология исследования

Исследование выполнено на материале книги турецкого журналиста и писателя-сатирика Ш. Дикмена «Ура! Я живу в Германии» (Dikmen 1995), в заостренной форме вскрывающей болевые точки взаимоотношений турков, для которых Германия стала страной проживания, и немцев как принимающей стороны.

Методологией исследования служит лингвоконцептология, ядерным компонентом которой является языковая личность. Изучение языковой личности дает возможность соединить все фундаментальные свойства языка: историчность, социальную природу, системно-знаковое устройство и психическую сущность (Караулов 2010: 26). Языковая личность выстраивает дискурсивную стратегию (Viewpoint), давая свою интерпретацию базо-

вых ценностей, принятых в определенной культуре. В тексте точка зрения автора как языковой личности проявляется в его внутренней организации, в фокусировании тех или иных моментов (Fausonnier 1997: 49). В статье эмпирическим путем выявляются репрезентанты концептов — повторяющиеся или ассоциативно близкие номинации, а также типичные культурные ситуации со своими сценариями, обнаруживающие тематическое и смысловое единство, которое образует *ассоциативно-смысловое концептуальное поле* текста (Болотнова 2009).

Трудности, возникающие при общении турков с немцами, происходят из столкновения разных типов культур. Немецкая культура относится к числу низкоконтекстных, в которых ориентируются на жесткие правила (Markowski 1995; цит. по: [Гришаева, Цурикова 2004: 57]). Об этом свидетельствуют и базовые концепты немецкой культуры (см. выше). В противоположность этому турецкая культура причисляется к высококонтекстным, в которых полагаются на контекст общения, что исключает чрезмерную организованность (Белая 2011). В энциклопедии Брокгауза и Ефрона отмечается, что к господствующим чертам турецкого национального характера относятся среди прочего *важность и достоинство в обращении, гостеприимство, честность в торговле, преувеличенная национальная гордость, религиозный фанатизм* (ЭСБЕ). Перечисленные черты можно, на наш взгляд, считать основой формирования концептуальной сферы турецкого этноса, ядро которой образуют понятия *гостеприимства, честности и достоинства*. Эти понятия легли в основу известного восточного концепта ГОСТЕПРИИМСТВО, и выведенных нами из анализируемого дискурса концептов ЧЕСТНОСТЬ и УВАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ. Как видим, эти концепты заметно отличаются от базовых концептов немецкой культуры.

Концепт ОЦЕНОЧНОСТЬ не имеет в ассоциативно-смысловом поле ключевого репрезентанта, прямо номинирующего его. Мы не находим в этом поле номинанта *Bewertung*. Концепт «опредмечивается» из состава ассоциируемых с ним номинаций. Определенное рассматривается как одна из процедур трансфера знания из одной научной области в другую (Постовалова 2016: 46-47). В нашем случае ономазиологические единицы, выбираемые автором в качестве номинаций, и описанные типичные культурные ситуации «перетекают» в сферу лингвокон-

цептологии, превращаясь в эпистемические единицы — концепты. Особенность рассматриваемого концепта заключается в его «зонтичности», поскольку он перекрывает разные ментальные образования вплоть до противоположных.

Структура, семантика, интерпретация оценки и средства ее языкового выражения подробно описаны на материале одной культуры в известной монографии Е. М. Вольф (1985). При столкновении культур оценка приобретает свойство амбивалентности, так как оценивающими субъектами становятся представители разных культур. Амбивалентность исследуется оппозитивным методом, позволяющим вывести заложенный в противопоставлении оценочный смысл.

Лингвоконцептуальный анализ

В гибридной литературе наблюдаем расширение типичных концептов немецкой лингвокультуры *ORDNUNG*, *ARBEIT*, *ÜBERMENSCH*. Их ассоциативно-смысловые границы раздвигаются за счет критического отношения к ним, которое проявляется антиподами, входящими в зонтичное пространство. Приведем примеры.

Одна из сильных позиций текста представлена заголовком. Заголовок одной главы из книги Ш. Дикмена гласит: «Kein Geburtstag, keine Integration». Из нее читатель узнает, что протагонист не может точно назвать день своего рождения, что в Турции дата рождения фиксируется приблизительно. Это становится непреодолимым препятствием для его интеграции в немецкое культурное сообщество. В речи протагониста эту невозможность подчеркивают отрицания. В ментальном пространстве языковой личности автора сталкиваются два концепта: производный от доминирующего концепта немецкой культуры *ORDNUNG* субконцепт **ТОЧНОСТЬ** ‘*PÜNKTLICHKEIT*’, отсутствующий в турецкой культуре. Возникает привативная концептуально-оценочная оппозиция с разными полюсами оценки: с турецкой стороны ситуация оценивается как нормальная, с немецкой — как экстраординарная. Возникающая контекстуальная оппозиция перекрывается зонтичным концептом **ОЦЕНОЧНОСТЬ**.

Зонтичный концепт опредмечивается из номинаций, которые служат его косвенными репрезентантами. Высокую частотность в тексте турецкого автора имеют номинации противопоставляемых этносов, которые встречаются и в цитируемой речи

немцев и интерпретируются в соответствующих контекстах как антонимы. Это могут быть существительные *Deutsche* vs. *Türken* и прилагательные *deutsch* vs. *türkisch*. В поисках собственной идентичности, Дикмен задается вопросом, как узнают этническую принадлежность. До того, как он переехал в Германию, этот вопрос не вставал перед ним, он воспринимал свою идентичность как естественную. И только в Германии ему пришлось задуматься об этом. Ср. примеры.

- (1) *Wer ist ein Türke? Wie erkennt man ihn, woher weiß man, ob jemand ein Türke ist? Diese Fragen beschäftigen mich, seit ich in Deutschland bin.*¹
- (2) *Meine Vorstellungen von den Türken, das waren meine Eltern, meine Geschwister, meine Verwandten und die Dorfbewohner und all die anderen, die ich irgendwie kennen gelernt und gesehen habe, bis ich nach Deutschland kam.*
*In Deutschland fragten mich erst die Deutschen und dann ich mich selbst: Wer ist ein Türke?*²

В качестве контекстуальных антонимов мигрантами и немцами воспринимаются топонимы *Deutschland* и *Türkei* и приведенные выше этнонимы. Возникающая здесь оппозиция имеет эквиолентный характер, имплицитно двусторонний негативный оценочный смысл. Аналогично противопоставляются номинации, отражающие функционально-статусные различия: статус турецких мигрантов расценивается немцами как более низкий (*Gastarbeiter*), а статус работодателей определяется турками как незаконно присвоенный статус хозяев (*Hausherren*). При этом в турецком языковом сознании, в котором в соответствии с базовым концептом ГОСТЕПРИИМСТВО, происходит рассогласование концепта ГОСТЬ с тем отношением, которое испытывают на себе турки со стороны работодателей, свысока относящихся к своим работникам, и это вступает в противоречие с характером турков, в котором генетически заложена национальная гордость.

Концепт ГОСТЕПРИИМСТВО противостоит рациональности, господствующей в немецкой культуре; отсюда проистекают различия в восприятии человека: турки воспринимают его сердцем, немцы — головой. В тексте возникает антонимическая пара

¹ Dikmen, Şinasi. *Hurra, ich lebe in Deutschland: Satiren*. München: Piper, 1995, 75.

² Ibid.

Herz vs. Kopf, предполагающая с обеих сторон негативную оценку противоположного. Не преодолеваются и различия вероисповедания; отсюда — антонимическая пара *Christ vs. Mohammedaner*, передающая оценку, по крайней мере настроенности с обеих сторон.

Перечисленные различия обозначают, в терминологии М. Ю. Свинкиной, «радикальную инаковость» (Свинкина 2017: 9-10). В художественном сатирическом тексте, имеющем форму письма к турецкому другу, автор, выражая отстраненное отношение к немецкой культуре, комбинирует разные стратегии и тактики и использует этнические гетеростереотипы. Ср. несколько примеров и их последующую интерпретацию.

- (3) Ich habe mal in den türkischen Zeitungen gelesen, dass die Deutschen länger leben als die Türken. Das ist ja keine Kunst, wenn sie – ich meine die Deutschen — jede Woche einen Tag Pause machen vom Leben.³
- (4) Das Leben in Deutschland fängt am Montag an und hört Freitagabend auf. Samstag ist ein Tag, an dem in Deutschland nur Autos gewaschen werden.⁴
- (5) Sonntag? Sonntag in Deutschland, nicht der Rede wert. Die Deutschen verstecken sich in den Wohnungen, damit die Ausländer nicht sehen, wie traurig sie ohne Arbeit sind. In den Hauptstraßen der Stadt siehst du nur die Türken, aber nur die Türken.⁵
- (6) Die Deutschen haben immer Krieg gemacht und verloren, jetzt weißt du es. Nach den Kriegen hatten sie weder zu essen, noch zu trinken. Ein paar Jahre nach den Kriegen haben sie wieder alles gekriegt. Man munkelt, dass die Amerikaner den Deutschen geholfen hätten oder, dass die Deutschen mit dem Geld, welches sie während der Kriege erbeutet haben sollen, alles wieder zurück gekauft hätten.⁶

Для автора приведенных строк своим является турецкий этнос и турецкая культура, а чужим, соответственно, — немецкий этнос и немецкая культура. Таким образом, принимающая сторона — немцы — оказывается в позиции, которая подвергается оценке, не всегда, мягко говоря, лицеприятной. Тем самым развенчивается стереотип, формируемый о немцах турецкими газе-

³ Ibid.: 11.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.: 21.

⁶ Ibid.

тами, согласно которому немцы как нация имеют более высокий статус, хотя бы потому, что они дольше живут (пример 3). Дикмен развенчивает этот стереотип, издевательски замечая, что в долгожительстве немцев нет большого искусства, поскольку они регулярно вычеркивают из своей жизни один день в неделю (воскресенье), что и прибавляет к жизни лишние дни. По воскресеньям, на взгляд турка, жизнь в Германии замирает (пример 5), поскольку не реализуется типичный в турецком менталитете производный от гостеприимства субконцепт ОБЩЕНИЕ. Концептуальное восприятие турками воскресного дня в Германии составляет антипод в ассоциативном поле концепта РАБОТА, объединяясь с последним в оценочном зонтичном концепте.

Развенчивает концепт СВЕРХЧЕЛОВЕК и пример 6, в котором констатируются реальные факты поражения Германии в развязанных ею войнах и тяжелого экономического положения в стране после поражения. В следующем предложении с помощью игры однокоренных слов *Krieg* и *gekriegt* имплицитно ставится под сомнение заслуга немцев в послевоенном «экономическом чуде», поскольку возврат к прежнему уровню жизни произошел не без американской помощи. Тем самым ставится под сомнение интерпретация значимого для турков концепта ЧЕСТНОСТЬ, а вместе с тем и значимого для немцев концепта СВЕРХЧЕЛОВЕК.

В примере (4) автор с иронией подходит к немецкому концепту ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, имплицитно оценивая его как не самый лучший. С позиций турецкой культуры нельзя считать полноценной жизнью день, посвященный исключительно работе или мойке машин. Гиперболичность оценки подчеркивает преувеличенное внимание немцев к описанным феноменам. Подмеченная особенность воспринимается немцами, скорее всего, как нормальная необходимая составляющая их жизни, а с позиций иной культуры, расценивается как культурный феномен, ущемляющий ОБЩЕНИЕ. Возникающую оппозицию можно интерпретировать как привативную, в которой маркированным членом является ситуация с мойкой машин в Германии, а немаркированным членом аналогичная ситуация в Турции. При этом оценка ситуации имеет амбивалентно-несимметричный характер: каждый субъект имплицитно оценивает свою ситуацию как соответствующую норме, а чужую как не соответствующую традициям родной культуры.